

Старообрядцы Мелекесса и их молельни

С сентября 1943 года в СССР по решению И. Сталина была разрешена служба в храмах, уцелевших после безбожной пятилетки 1932–1937 годов. Церковь была легализована. В городе Мелекессе все православные храмы к этому времени уже разрушили, священников отправили в тюрьмы и лагеря. Уцелело лишь два отдельно стоящих здания, где до революции располагались старообрядческие молельные дома.

Один из молельных домов находился во дворе квартала городских усадеб купцов Марковых по улице Кооперативной (бывшая Конная, ныне Гагарина). Дом сохранился до наших дней, но после изгнания Марковых из города около ста лет назад он не использовался по своему первоначальному назначению. Второй молельный дом находился внутри квартала жилых домов на пересечении улиц Куйбышева (бывшая Старо-Заводская) и Дзержинского (бывшая Проломная). Это было бревенчатое просторное здание с двускатной крышей. Вход в молельный дом был со стороны проулка с экзотическим названием Святой кончик. Юго-западная часть дома выходила к реке Мелекесс.

В годы Великой Отечественной войны в бывшем молельном старообрядческом доме в Святом кончике открыли православный храм. Построили небольшой купол на крыше, на него установили крест. Вместо колокольни использовали звонницу. Дом выходил к реке Мелекесс, это было удобно для проведения обряда крещения в реке, радовал глаз и сам пейзаж.

О церкви, открытой в годы Великой Отечественной войны в бывшем старообрядческом доме в Святом кончике, и о своих детских впечатлениях от храма автору статьи рассказала жительница г. Димитровграда Евгения Васильевна Серова:

«Находилась церковь на улице Дзержинского, в так называемом народе Святом кончике. Войти в неё можно было через небольшой проулок, огороженный с двух сторон довольно

частым деревянным забором. Начался проулок после второго дома от угла пересечения улиц Куйбышева и Дзержинского, в угловом большом доме жили служители церкви, которые пекли просфоры. <...>

Проулок к храму приводил в небольшой церковный двор. Во дворе находилась переносная звонница, которую в зависимости от количества молящихся прихожан переносили с места на место. На перекладине находилось несколько колоколов, больших не было, но средних и малых было до десятка (точно не помню). Вход в церковь был открыт с северной стороны почти в середине строения, сначала были сени. Второй вход на западной стороне открывался по праздникам или когда было много народа. Церковь представляла собою единое пространство с вратами в алтарь, слева от входа можно было подать записки о здравии и упокоении. Церковь была, по моим детским воспоминаниям, темноватой, но впечатляла росписью стен, блеском потолка, большими, в рост человека, иконами и утварью, которая сияла золотом. На одной из балок была изображена на тарелке отсечённая голова святого (Иоанна Предтечи. — Ред.).

Впервые бабушка привела нас с братом в церковь накануне праздника (не помню какого) на исповедь и причастие. Запомнилось, что сначала проводили детей. Священник крестил нас, а служка давал из чайной серебряной ложки сладкое вино.

В южном направлении со двора церкви можно было выйти на берег Нижнего пруда. На берегу были построены мостки, спускающиеся к воде.

На этом месте крестили взрослых в белых одеждах. Это можно было наблюдать с плотины пруда. Сегодня конфигурация пруда осталась прежней, хотя пруд обмелел. Зимой у мостков прорубали иордань (прорубь) для окунания в праздник Крещения. В 1970 году церковь сгорела, службу через какое-то время стали проводить в обыкновенном жилом доме на улице Чапаева. Дом находился слева у ворот в нынешнюю Свято-Никольскую церковь. Затем староста церкви Клавдия Федоровна Алексашина купила несколько участков земли и под предложением строительства молельного дома стала возводить церковь. К.Ф. Алексашина была работницей (мастером) на льнопрядильной ткацкой фабрике. Она уволилась с фабрики, чтобы все время посвятить строительству церкви. После постройки Свято-Никольской церкви молельный домик служил крестильной, а когда построили специальное добротное строение для этой цели, домик снесли».

Эти милые сердцу воспоминания пробудили у меня желание узнать о мелекесских старообрядцах и их молельных домах подробнее.

Традиции старообрядчества укрепились в Мелекессе в первой половине XIX века, когда здесь поселился со своей семьей ставропольский купец-старообрядец Григорий Маркович Марков. Он быстро разбогател на производстве хлебного вина, высококачественной муки и хлебобулочных изделий и вскоре превратился не только в самого богатого, но и одного из самых влиятельных граждан Мелекесса. Его многочисленная семья придерживалась староверия.

С уважением к прошлому

Внутри семейного квартала на Хлебной площади Марков построил каменный флигель, который использовался как жилой дом и как молельный старообрядческий храм поморского толка.

На плане посада Мелекесс, составленном в 1891 году, показаны три молельни раскольников. Об одной мы уже сказали, вторая отмечена на плане под названием «сектанта Жирнова молельня» на пересечении улиц Конной и Большой (дом купца Жирнова сохранился). Эта молельня для староверов федосеевского толка была официально разрешена губернскими властями в 1884 году. Третий старообрядческий молельный дом на карте – австрийского толка на пересечении улиц Старозаводской и Проломной. Именно в этом старинном старообрядческом австрийском доме в 1944 году был открыт православный храм в Святом кончике.

В газете «Димитровград» № 47 от 26 июня 2015 года было опубликовано краеведческое исследование председателя историко-культурного фонда «Мелекесь» Андрея Сергеевича Мокеева «Молельня Марковых». В исследовании, основанном на документах Самарского архива, он рассказал о старинном здании в исторической части города – молельне внутри марковского квартала. Одноэтажный каменный дом был построен в 1889 году после большого пожара в Мелекессе на месте сгоревшей деревянной старообрядческой молельни. Г.М. Марков выстроил каменный флигель для своей сестры Евдокии Марковны Марковой, которая вела монашеский образ жизни. В одной части флигеля с ней жили келейницы, в другой части собирались на молитвы раскольники Мелекесса. Этот каменный флигель Г.М. Марков хотел узаконить как молельный дом. Самарский губернатор отказал Г.М. Маркову в его прошении. В 1897 году раскольники Мелекесса во главе с Григорием Марковым вновь обратились в Департамент Общих Дел Министерства внутренних дел, к Самарскому губернатору с прошением об открытии молельни для жителей старообрядцев посада Мелекесс.

В Государственном архиве Самарской области хранятся два дела

План посада. 1891

Дом Жирновых с молельней внутри

1892 года и одно дело 1898 года о старообрядцах Мелекесса.

Первое дело (ф. 5, д. 177, ед. хр. 21) было начато в Самарском губернском правлении 21 октября 1892 года и называлось «О мелекесском 1-й гильдии купце Григории Маркове, ходатайствующем об открытии молельного дома поморского толка». Имелся в виду существующий каменный флигель внутри марковского квартала. В ответ на «Прошение представителя, проживающих в посаде Мелекесс раскольников поморцев, Мелекесского 1-й гильдии купца Григория Маркова, о разрешении обратить в молельню особо предназначенное для сего жилое помещение», Департамент Общих Дел обратился к самарскому губернатору с просьбой решить вопрос.

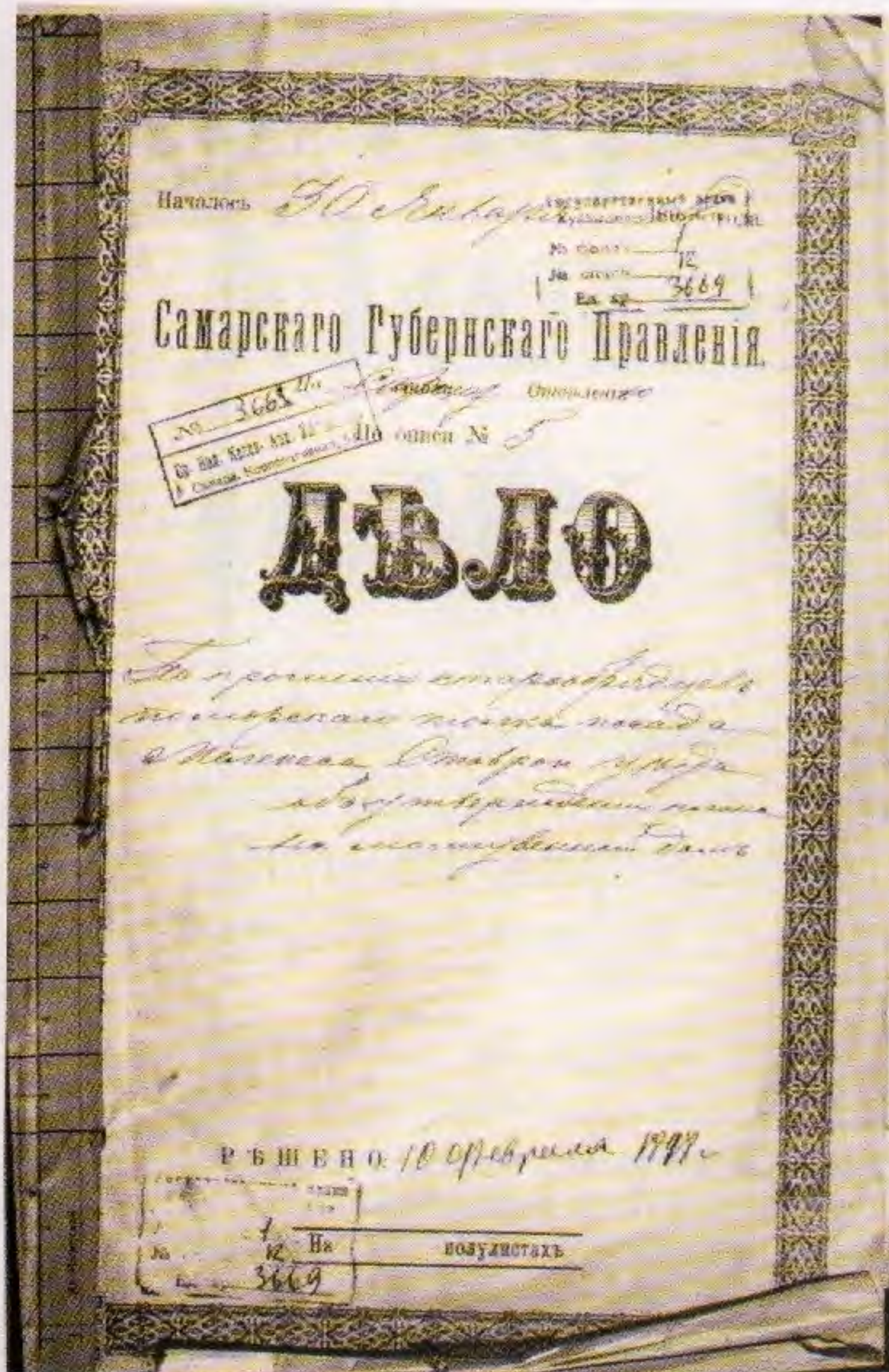
6 ноября 1892 года самарский губернатор ответил директору Департамента Общих Дел следующее:

«В доме купеческой жены Дарьи Жирновой в посаде Мелекесс уже имеется молитвенное здание для проживающих там поморцев, разрешённое 11 февраля 1884 г. за № 149 Министром ВД, а потому устройство другого молитвенного здания в доме Маркова, по мнению моему, считается излишним, тем более, что поморцы посада Мелекесс, как видно из переписки моей канцелярии, начавшейся по сообщению Самарского преосвященства от 6 февраля сего (1892) года за № 1140, замечены в публичном оказательстве раскола при похоронах поморской секты сына просителя Александра Маркова».

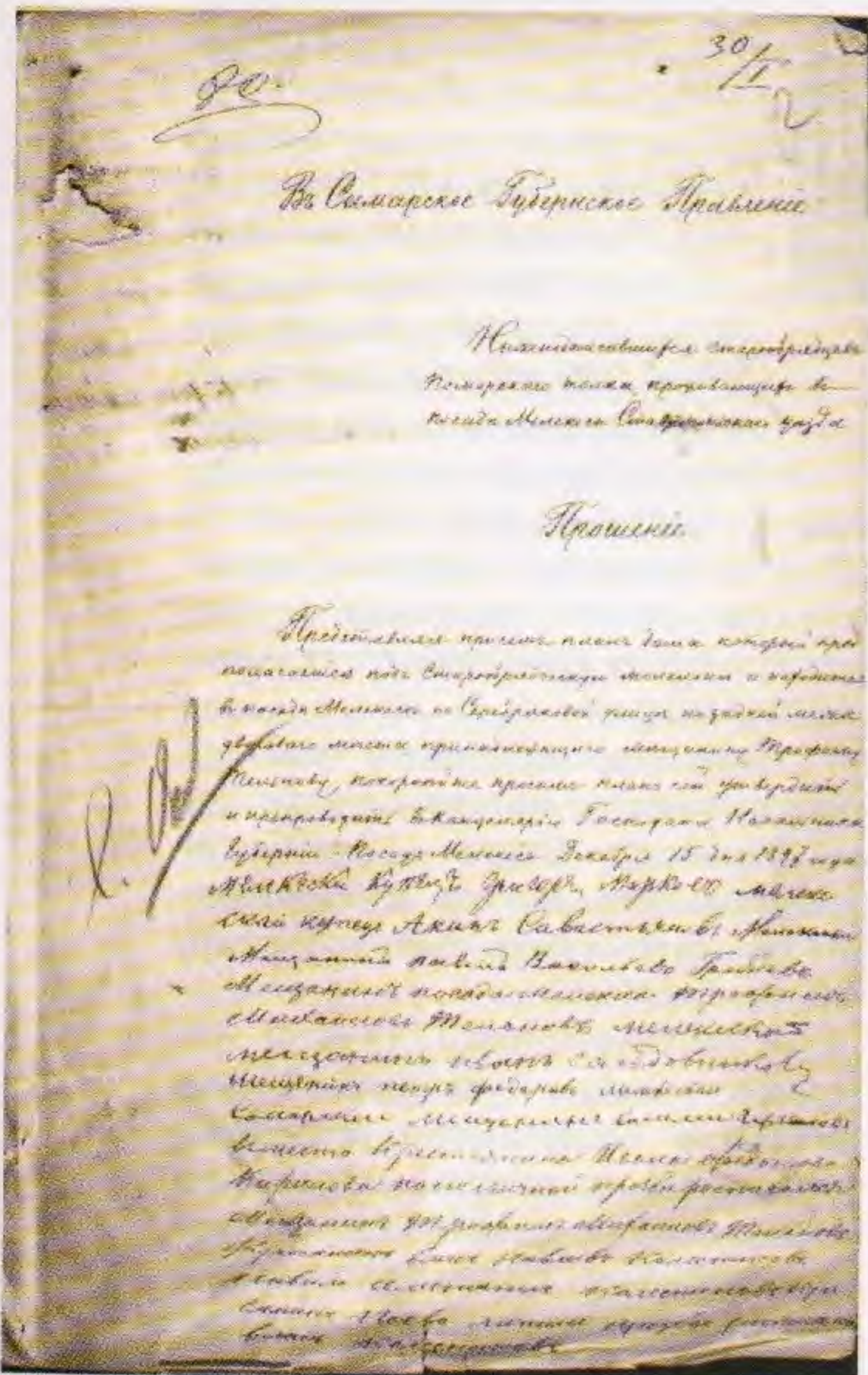
Итак, первая причина отказа – «уже имеющаяся молельня в доме Дарьи Жирновой». Вторая – «публичное оказательство раскола при похоронах поморской секты сына просителя Александра Маркова».

В ГАСО (ф. 3 оп. 177 ед. хр. 34) находится дело «О публичном оказательстве раскола при похоронах сына мелекесского купца Александра Маркова от 7 февраля 1892 г.». Оно содержит письмо епископа Самарского и Ставропольского Владимира от 6 февраля 1892 года самарскому губернатору.

Благочинный 2-го округа Ставропольского уезда, священник села Языкова Пётр Светозаров рапортом от

Дело. 1898

Прошение

21 ноября 1891 года за № 261 донёс мне о торжественных похоронах по расколу поморской секты Мелекесского купца Александра Маркова лжесвященником крестьянином села Архангельских Городищ Иваном Посыпкиным. По дознанию, произведённому священником Светозаровым, похоронная процессия представлялась в следующем виде: впереди гроба шёл Посыпкин в парчовой епитрахили¹ с иконою в руках; около гроба сбоку шёл другой мужчина с кадильницею; за гробом непосредственно шли родители и родственники умершего; за ними хор певчих девиц числом около 10 и в конце многочисленная толпа народа из православных и раскольников. Шествие началось от дома Маркова на винокуренном заводе и направилось мимо Сипатовской мельницы и земской больницы в расстоянии около 1 версты от посада Мелекеса. Во время шествия и на кладбище при самом погребении хор девиц пели приличные случаю церковные песнопения. Сообщая о вышеизложенном, покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, сделать распоряжение через кого следует о воспрещении раскольникам посада Мелекеса на будущее время таких действий, которые имеют характер публичного оказательства раскола и о последующем меня уведомить. С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Владимир Епископ Самарский и Ставропольский».

Из доноса видно, что представители Русской православной церкви боялись распространения раскола. Надзор за исполнением законов от лица государства в уезде должен вести исправник. 21 марта 1892 года уездный исправник отправил рапорт самарскому губернатору, в котором несколько иначе описал похороны маленького сына купца Александра Григорьевича Маркова. Он не видел нарушений со стороны похоронной процессии и утверждал, что на «Иване Посыпкине была не епитрахиль, а кусок парчи в виде короткого фартука, в которой он нёс образ. И что вообще раскольники поморского толка при исполнении своих обрядов никакой священнической одежды не употребляют». Тем самым он оправдывал себя и раскольников.

Из представленных документов видно, что старообрядцам запрещалось

публично демонстрировать свои обряды, привлекать к себе внимание верующих других религиозных конфессий, распространять идеи раскольников среди населения посада.

Третье дело (ф.1, д. 12, ед. хр. 3669) было заведено 10 февраля 1898 года в канцелярии самарского губернатора в ответ на поступившее в его канцелярию коллективное прошение от 15 декабря 1897 года. Дело называлось «По прошению старообрядцев поморского толка посада Мелекеса Ставропольского уезда об утверждении плана на молитвенный дом».

Старообрядцы во главе с Г.М. Марковым вновь обратились к губернским властям с просьбой разрешить открыть молельню поморского толка на Серебряковой улице.

Решение по этому делу было принято 10 февраля 1898 года. В протоколе Самарского губернского правления говорится: «Проживающие в посаде Мелекес старообрядцы поморского толка мелекесские купцы Григорий Марков, Аким Савостьянов и другие в числе 14 человек, при прошении, поданном 30 января 1898 г. в губернское правление, представляют план дома, предполагаемого под старообрядческую молельню и находящегося в посаде Мелекес на Серебряковой улице по задней меже дворового места мещанина Тельнова, и просят план сей утвердить и препроводить в канцелярию Г. Начальника губернии. Строительное Отделение, рассмотрев план означенного дома, находит, что хотя дом по внешнему своему виду не противоречит требованиям закона о раскольничьих молельнях, но будучи построен без установленных законом строительных разрывов от соседних деревянных построек и от границы двора, не может быть допущен обращению под молельню, а потому определяет возвратить план просителю без утверждения. Тем более что молельня, как здание, предназначенное для сбора народа, более других обыкновенных построек должна быть обеспечена в пожарном отношении. А потому определяет: оставить план без утверждения, объявить о сём просителю».

Таким образом, губернская власть вновь нашла причины для отказа в прошении, и старообрядцы не получили разрешения на четвёртую молельню.

Ирина Шамигулова,

учёный секретарь Димитровградского краеведческого музея

¹ Принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.